

Valery L. Stepanov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Economy of the RAS
(Russia, Moscow)

E-mail: *valerij-stepanov@mail.ru*

**State regulation of Russian oil industry
during the First World War (1914 – February 1917)**

The article analyzes the policy of the Russian government regulating oil industry under extreme conditions of the First World War. Particular attention is paid to the functioning of the interdepartmental Special meeting on fuel (OSOTOP) which was established in 1915. It was in charge of setting the fixed oil prices, distributing oil products and organizing their planned transportation. The author discloses the causes of the low effectiveness of the events held by the meeting. The main among them were the resistance of large oil industrialists and the inability of the regulating organs to influence the sphere of extraction and processing of “black oil”.

Keywords: *First World War, economic policy, state regulation, oil, fuel*

Суржикова Наталья Викторовна

д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *snvplus@mail.ru*

Михалев Николай Анатольевич

к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: *n.mikhalev@mail.ru*

**Между свободой и принуждением: организация
труда беженцев в России 1914–1917 гг.**

УДК 94(47).083

В работе актуализируется проблема дефицита рабочих рук в России в годы Первой мировой войны и рассматриваются попытки ее решения за счет мобилизации беженского труда.

Ключевые слова: *Первая мировая война, российские беженцы, дефицит рабочих рук, трудовая мобилизация*

Начало Первой мировой войны стало причиной массовой мобилизации в воюющих странах, которая в России только за вторую половину 1914 г. коснулась более 5 млн чел. Это немедленно

привело к существенному дефициту практически всех форм труда, превратив его из проблемы чисто экономической в проблему политическую. Стоит ли удивляться, что 7-миллионная армия российских беженцев, заставивших громко говорить о себе со второй половины 1915 г., сразу стала рассматриваться теоретиками и практиками как один из источников удовлетворения дефицита рабочих рук. Свои планы на этот счет тут же были построены практически во всех принимающих беженцев регионах.¹

Отчеты агентов-проводников, командированных Отделом по устройству беженцев Земского и Городского союзов (Земгора) для сопровождения поездов с беженцами, свидетельствуют, что первые опыты их трудоустройства имели место уже в дороге. Так, к октябрю 1915 г. только при следовании через станцию Смоленск было нанято около 1,8 тыс. беженцев.² Между тем деформированная половозрастная структура беженского населения — в основном это были старики, женщины и дети — быстро развеяла надежды на их деятельное участие в решении проблемы убыли рабочих рук. Другим «главнейшим препятствием» для трудоустройства беженцев стала «неравномерность расселения их среди коренного населения».³ Трудовое посредничество, осуществлявшееся силами различных трудовых комиссий и бюро труда в рамках Отдела по устройству беженцев Земгора, Татьянинского комитета и национальных беженских организаций, хоть и позволило найти работу десяткам тысяч беженцев, но удовлетворило лишь часть зарегистрированного спроса на труд. Так, к 1917 г. бюро труда Татьянинского комитета было получено 73 307 предложений труда и учтено 50 090 ищущих работу беженцев, из которых удалось трудоустроить только 36 632 чел., или 73,1%.⁴

¹ См. об этом, напр.: Петроградское областное совещание по оказанию помощи беженцам // Известия Всероссийского союза городов. 1915. № 17. С. 43; Шаховская Н. Трудовая помощь беженцам // Там же. 1916. № 27–28. С. 269.

² Отчет о деятельности Смоленского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск (транзитным) за время 17 июня–1 ноября 1915 г. Смоленск, 1915. С. 31.

³ Совещания с представителями общественных и национальных организаций помощи беженцам в Москве о трудовой помощи и о прекращении пособий беженцам, получающим заработок, 4-го и 21-го января 1916 г. // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 27–28. С. 286.

⁴ См. об этом: Трудовая помощь комитета беженцам // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 25. С. 3.

Другой формой трудовой помощи беженцам, еще менее повлиявшей на решение проблемы дефицита трудовых ресурсов, стала организация специальных ремесленных артелей и мастерских для вынужденных мигрантов. В основном это были швейные, сапожные и портняжные производства, большая часть которых концентрировалась в городах. Благодаря таким учреждениям при Татьянинском комитете к 1917 г. удалось трудоустроить всего 5 616 беженцев.⁵ Значительно успешней на этом фоне выглядела деятельность национальных беженских комитетов, а в особенности — еврейских. Их отличало стремление к созданию таких условий, чтобы «беженец перестал быть беженцем, чтобы он получил возможность индивидуального существования, чтобы он получил возможность такого развития индивидуальных ремесел или мастерств, чтобы он мог сам зарабатывать и получать не пайки, а плату за труд».⁶ Кредитно-ссудная помощь еврейских комитетов своим соплеменникам-беженцам часто вела к тому, что последние «устраивались самостоятельно», как это произошло, например, с белошвейной мастерской в Орле, которой были выделены средства для приобретения швейных машин.⁷

Очевидно, что негосударственные и даже полугосударственные институции были неспособны осуществить массовую мобилизацию беженского труда. Альтернативой их усилиям стала вербовка беженцев на сельскохозяйственные работы, вопрос о которой поставила комиссия, специально созданная в январе 1916 г. при Особом совещании по устройству беженцев. Рассчитывая уже весной 1916 г. «завлечь» в деревню 700–800 тысяч беженцев,⁸ правительство обещало сохранить за принятыми на сельскохозяйственные работы беженцами право на продовольственную и квартирную помощь. Источники же засвидетельствовали, что это «обещание» сразу придало труду беженцев полупринудительный характер. Инструктор Всероссийского бюро труда О. А. Квиткина, описывая ситуацию в Самарской губернии,

⁵ Там же.

⁶ Труды Харьковского областного съезда Всероссийского союза городов по вопросу об устройстве и эвакуации беженцев (Харьков, 29, 30 ноября, 1 декабря 1915 г.). Харьков, 1916. С. 85, 103.

⁷ Отчет Орловского еврейского комитета помощи жертвам войны за время с 1-го октября 1915 г. по 1-ое октября 1916 г. Орел, 1917. С. 28.

⁸ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–10б.

в связи с этим, в частности, указывал: «В способах привлечения беженцев к работам в большинстве случаев признается возможным сводить задачу к выработке мер, которые бы принудили беженца наниматься батраками в местные хозяйства. Из мер же по-нуждения наиболее действительной является лишение казенного пайка. Так, Бузулукский земский комитет, обсуждавший вопрос о привлечении беженцев на полевые работы в заседании 26 января [1916 г.], пришел к решению снять с пайка в феврале 10 % всех беженцев, марте 20 %, в апреле 30 %, с тем, чтобы в июне поддержкой пользовались исключительно дети и старики».⁹ В то же время многие местные организации пошли еще дальше, приняв решение о принудительном выселении беженцев из городов в сельские местности (Ростов-на-Дону, Иркутск, Ярославль и др.).¹⁰ Кроме того, в ряде местностей беженцам запретили выезд за пределы губерний и отказали в выдаче паспортов и проездных свидетельств (Саратов, Кинешма, Тула, Полтава и др.).¹¹ Если прибавить к этому практику формирования не чисто беженских сельскохозяйственных артелей, а артелей одновременно из беженцев, военнопленных, арестантов, инородцев и китайцев, то статус беженца оказывался близок к статусу лиц, пораженных в гражданских правах.

Помимо экономического и административного давления, в ход также были пущены механизмы публичного осуждения беженцев, не пожелавших выйти в поле. Как результат в российском общественном дискурсе виктимизированный образ беженца быстро сменился образом беженца-нахлебника, злоупотребляющего оказанным ему в тылу гостеприимством. Рассказы о «ленивом поведении» беженцев наводнили российские СМИ,¹²

⁹ К сельскохозяйственной кампании в Самарской губернии и Оренбургском уезде. Доклад инструктора Всероссийского бюро труда О. А. Квиткина // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 40. С. 121, 122.

¹⁰ Выселение беженцев из городов в уезды на жительство и на сельскохозяйственные работы по всей Империи // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 34. С. 297, 298.

¹¹ Труд беженцев // Вестник Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. № 19 (22 мая). С. 10.

¹² См., напр.: Труд беженцев на сельскохозяйственных работах // Земская неделя (Казань). 1916. № 13 (31 марта). С. 6; О беженцах. Село Бессоновка Пензенской губернии // Вестник Пензенского земства. 1916. № 18–19 (17 мая). С. 254; и др.

а характеристики типа «Наша любая девка троих беженцев или австрийцев за пояс заткнет в работе» или «Нам и за полцены бе-гунцов не надо» стали привычными для описания деревенских реалий.¹³ Беженцев, не нашедших возможности реализовать свой социо-профессиональный капитал, клеймили позором, и это не-смотря на то что город их просто выдавливал, а село могло пред-ложить только сезонную и низкоквалифицированную работу.

В конечном итоге усилия правительства и земства по привле-чению беженцев к полевым работам так и не возымели опреде-ляющего значения для рынка сельскохозяйственного труда. По данным Н. П. Огановского, использовавшего неопубликованные материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г. по 10-и гу-берниям Европейской России, беженцы составляли только 1,2 % и 0,9 % соответственно от занятых в сельском хозяйстве мужчин и женщин.¹⁴ Однако даже при более высоких значениях этих по-казателей проблема дефицита рабочих рук на селе не решалась бы. Уход на фронт порядка 10 млн крестьян могла компенсиро-вать только стремительная и масштабная механизация сельского хозяйства, которая, в свою очередь, требовала огромных капита-ловложений. В связи с этим не будет преувеличением сказать, что проблема была не в провале мобилизации беженского труда на нужды деревни, а в традиционном характере российского сель-ского хозяйства в частности и структуры занятости/разделения труда в российском обществе в целом.

При этом Неспособность российского правительства к тоталь-ной мобилизации беженского труда, частично компенсировавшая-ся усилиями общественных организаций, вряд ли стоит рассма-тривать как лишний пример краха «бюрократической фантазии полного контроля над обществом» (К. Розенберг). Совокупность различных инициатив и мер позволила российскому рынку ра-бочей силы поглотить тех беженцев, которые были способны, готовы или вынуждены работать, породив своеобразные фор-мы труда, не эквивалентные ни свободному, ни принудительно-му труду. Размывание границ между ними соответствовало не

¹³ ГАТ. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1750. Л. 2. См. также: Работы на полях. Из Городищенского уезда // Вестник Пензенского земства. 1916. № 25–26 (13 июля). С. 321.

¹⁴ Огановский Н. П. Положение сельского хозяйства в 1916 году // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 51. С. 60.

только универсальным «тотализирующим» тенденциям Первой мировой войны [1], в рамках которых социальная значимость труда резко возросла. Оно также укладывалось в логику исторического развития российского общества, в котором немудреные слова апостола Павла «Кто не работает, тот не ест» совсем скоро стали трактоваться как «первое, основное, коренное начало социализма» (В. И. Ленин).

Библиографический список

1. Людендорф Э. Тотальная война. пер. с нем. А. В. Петров. М., 2015.

Natalia V. Surzhikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: snvplus@mail.ru

Nikolai A. Mikhalev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and
Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: n.mikhalev@mail.ru

Between freedom and compulsion: organization of refugee labor in Russia, 1914–1917

The paper analyzes the problem of labor shortage in Russia during the First World War and considers attempts of its solution by mobilizing refugee labor.

Keywords: *First World War, Russian refugees, labor shortage, labor mobilization*